

Уроки перемен

Когда меня спрашивают о том, как работалось в Белорусском телеграфном агентстве, в памяти всплывают Конфуций и Крым. Выдающийся китайский мудрец – с его предостережением о сложности жить в эпоху перемен, что одни трактуют как проклятие, другие как совет собраться с мыслями и силами да поднапрячься, ибо перемены этого обязательно потребуют. А на мои годы в стенах БЕЛТА выпали такие перемены, какие перед назначением не могли прийтись даже в кошмарном сне.

Крым же вспоминается потому, что именно там прозвучал, как теперь кажется, своеобразный намек на то, что мне «светит» впереди. Во время отпуска в одном из санаториев, явившись на лечебную процедуру, увидел, как врачи и медсестры столпились у компьютера и по очереди просят у сидящей за клавиатурой девушки посмотреть «что там у меня». Поинтересовавшись причиной ажиотажа, узнал: одна из компьютерных программ способна сообщить обратившемуся, кем он был в предыдущей жизни, нужно только ввести некоторые данные о себе. Попросил поискать такой ответ и для меня. Он был весьма неожиданным, потому храню его до сих пор. В прошлой жизни, оказывается, я был китайцем, жил на родине Конфуция и работал садовником.

Разумеется, тогда не воспринял это как намек на предстоящие перемены. Реальный сигнал о том, что они наступают, прозвучал осенью 1988 года. Будучи инспектором в организационном отделе ЦК КПБ, куда попал после семи лет работы в Брестском обкоме партии, еще семи – в Ивановском райкоме да шести – в Ивановской районной газете «Чырвоная звызда» в качестве литсотрудника, заведующего отделом и заместителя редактора, я с опозданием вернулся из командировки на Брестчину. Задержался на обратной

дороге в столицу, так как заглянул в Дрогичинский район – повидаться с мамой. Войдя в здание ЦК, в коридоре второго этажа встретил своего непосредственного начальника Василия Ивановича Бориса – прекрасного человека, под руководством которого довелось работать трижды: в Иваново, в Бресте и в Минске.

– Пойдем ко мне, – заявил Василий Иванович, не дав возможности даже снять плащ. Это можно было истолковать как предстоящую взбучку за опоздание, но... Как только мы вошли в кабинет, он сразу же ошарашил:

– Тебе предлагается должность директора БЕЛТА. Ответ – завтра. Думай до утра, все равно не уснешь.

Белорусское телеграфное агентство тогда являлось единственной информационной структурой, как теперь говорят, в медийном пространстве республики и имело официальный статус комитета при Совете Министров БССР. Неофициально должность руководителя БЕЛТА приравнивалась к министерской, о чем мне и было сказано во время собеседования уже в самом главном кабинете ЦК. Правда, сказано с добавлением, что и спрос будет соответствующим, посему тщательно взвешивай «за» и «против».

Уснуть в ту ночь, в самом деле, не удалось. Колебался ли, идти или не идти? Нет. Была уверенность, что нужно возвращаться в профессию. Имелось ли ясное понимание того, чем предстоит заниматься? Тоже нет, тем более в агентстве была «не только творчасць, але і вытворчасць» – фотопроизводство, электронная база обработки и хранения информации, каналы связи для ее передачи. Но это не могло сдерживать, наоборот, близость нового подстегивает, возбуждает интерес, иначе какой смысл менять известное на нечто столь же знакомое. В то же время сам себе тогда дал несколько зарок. Во-первых, как можно

быстрее вникнуть во все нюансы работы. Во-вторых, в течение года не совершать резких движений в сфере, связанной с внутренней жизнедеятельностью агентства, поскольку всегда исходил и исхожу из того, что немедленные пертурбации начинаются, если новый руководитель желает скорее продемонстрировать свою активность, нежели реально улучшить работу, в которую еще толком не вник. В-третьих, внимательно выслушивать всех, кто пожелает что-то сказать. А уж если человек пришел с просьбой, обязательно постарайся помочь, ибо он и так уже «совершил над собой насилие», ведь просить – не самое приятное занятие.

Соответствующее постановление Совета Министров БССР о моем назначении было подписано 22 декабря 1988 года.

В БЕЛТА сразу же сложились прекрасные деловые отношения с Анатолием Семеновичем Прянишниковым – первым заместителем директора, великолепным журналистом, умевшим и написать, и отредактировать, и проанализировать, и не только сделать толковое, перспективное предложение, но и организовать его выполнение.

Да, агентство работало стабильно, но мы уже жили ощущением, что нужны и грядут изменения в общественном, государственном бытии, а значит, и в нашем собственном. Вряд ли будет преувеличением сказать, что песня Виктора Цоя «Мы ждем перемен», звучавшая на многих радиостанциях, напоминала набат. Об этом говорили мы с Анатолием Семеновичем и пришли к выводу, что переменны нужно вводить и в работу агентства. Не ожидая указаний. А начинать надо с экономики. Первым же шагом, и весьма важным, должен стать перевод агентства с бюджетного обеспечения на хозяйственный расчет и самофинансирование. Это заставит пристальнее всматриваться в производственные издержки, будет стимулировать стремление наращивать доходы, даст возможность лучше поощрять сотрудников, добиваясь от них все большей оперативности. В результате – все это положительно скажется на качестве информационной ленты.

Но, как вскоре выяснилось, наше стремление к самоокупаемости поначалу поддержки не нашло. В Совете Министров само наше предложение перевести на хозрасчет структуру, которая официально значилась правительственной и бюджетной, надо полагать, показалось странным. Удивились, зачем отказываться от денег, которые дают, чтобы потом искать их в поте лица своего. Пришлось идти на прием к В.Ф. Кебичу, который тогда возглавлял республиканский Госплан. Ему наше желание понравилось. Он снял трубку внутреннего телефона и задал кому-то короткий вопрос:

– Ты почему не переводишь БЕЛТА на хозрасчет? Постановление какого Совмина не позволяет это сделать? Нашего? Наш Совмин написал, наш и переписшет!

Положив трубку, он вдруг резюмировал:

– А чего, собственно, с ними спорить?! Я возглавляю республиканскую комиссию по внедрению новых форм хозяйствования. Пишите бумагу на мое имя. И усиленно думайте о том, как станете действовать. Самостоятельность – это, прежде всего, ноша.

Республиканская комиссия свое решение приняла на очередном заседании, и со следующего квартала подписные суммы из редакций республиканских, областных и районных газет, структур телевидения и радио стали поступать на наш счет. По его окончании, выведении квартального отчета, который показал превышение доходов над расходами, были начислены первые премии, которых ранее в агентстве не существовало. Коллектив это воспринял с воодушевлением. Посыпались предложения сотрудников, как улучшить то или иное дело, что и как реорганизовать, объединить, сократить... Одновременно мы подумали и о дополнительных источниках поступления средств. Добились от руководства ТАСС – Телеграфного агентства Советского Союза – оплаты расходов на аренду каналов, по которым в газеты, на телевидение и радио передавалась союзная информация. Решили издавать еже-

месячный журнал «Позиция». В разгаре была перестройка, о ней будущим читателям и авторам журнала предлагалось высказывать свое мнение. Но в бюро ЦК КПБ наше предложение «подкорректировали». Журнал предложено было назвать «Перестройка – твоя позиция». Убедить начальство, что такое название годится лишь для рубрики, а не целого издания, не удалось, потому с заседания уходил в весьма расстроенном состоянии. Но решение пришлось выполнять. Правда, только на протяжении года.

А пользу журнал принес. И в виде немалых средств, полученных от подписки, и в качестве опыта. За тот год мы пришли к выводу, что для информационного агентства лучше подойдет выпуск более оперативного издания. Так возникла идея создать еженедельник «7 дней» – название предложил Анатолий Семенович Прянишников. Первый номер вышел в январе 1990 года. Очень удачным стало решение выпускать его по понедельникам, когда не выходила ни одна газета. Значит, должен был появиться повышенный спрос на нашу, что вскоре и подтвердилось. К 1993 году тираж «7 дней» взлетел до 300 тысяч экземпляров. Мы с Анатолием Семеновичем всерьез заговорили о том, как бы эту цифру довести до миллиона – мечты, мечты, где ваша сладость?! Средства, получаемые от подписки на еженедельник, а также за публикуемую в нем рекламу, стали существенно пополнять кассу. Позднее взялись мы и за книгоиздание...

Почему это вспоминается в первую очередь? Да потому, что именно хозрасчет и вытекающие из него действия стали спасательным кругом в самое трудное для агентства время – в первые годы после развала СССР. Тогда из-за отсутствия средств в республиканском бюджете подписчики информационной ленты БЕЛТА, а ими были государственные средства массовой информации, стали платить нам от случая к случаю. Даже ежедневные республиканские газеты временами выходили только по несколько раз в месяц. Агентство же стабильно выплачивало своим сотрудникам зарплату и премии,

▲ Я. Алексейчик
в рабочем кабинете.
Конец 1990-х годов

модернизировало технологические процессы. Если в 1988 году главными аппаратами для передачи информационных сообщений были телетайпы, полтора десятка которых почти круглосуточно стучало в самом шумном цехе агентства, то через десять лет этим «занимались» компьютеры, которые появились на рабочем месте каждого журналиста. БЕЛТА активно заявило о себе в интернете. Так что тогда, решив шевелиться поэнергичнее, мы сориентировались правильно.

Но главной заботой была, конечно же, новостная лента, ее насыщенность. Тем более что в информационном пространстве все активнее начинала давать знать о себе конкуренция, поскольку возникло сразу несколько частных агентств. Расширилось и поле добывания новостей. В политическую жизнь включались новые партии, общественные организации. Все заметнее становилась борьба между ними. Нарастал нажим на коммунистические структуры, которые пока еще считались руководящими и направляющими и пытались сопротивляться, но свежеиспеченные политики тоже действовали весьма настырно. Ощущали давление и сотрудники БЕЛТА, старавшиеся освещать все политические веяния. Притом зачастую давление на нас было весьма своеобразным. Со всех сторон. Так, звонивший из ЦК мог назвать меня

предателем, отклоняющимся от линии партии. Из Верховного Совета требовали выполнять только их указания, поскольку парламент выражает волю народа. В Совете Министров настаивали, что следовать нужно их установкам, а от трений между парламентом и правительством постоянно летели искры. Из БНФ в трубку кричали: «Агенцтва ўзначальвае здраднік, які не разумее нацыянальных інтарэсаў».

Случались и почти комичные эпизоды. Депутат Верховного Совета, который родился и вырос в семье крупного витебского партийного работника, вдруг упрекнул меня в том, что я работал в ЦК КПБ. Пришлось спросить его: неужели это грех «более страшный», чем быть сыном секретаря обкома партии? Больше тот депутат не позвонил.

Один раз кто-то спросил в трубку, «ці вядомы табе нумар камеры, дзе будзеш сядзець». Послал его подальше. Все свои действия, если требовалось, мы объясняли тем, что работаем и будем работать в рамках закона о печати, и предъявлять к нам претензии можно будет лишь тогда, когда мы от него отступим.

А времена становились все жарче. Августовский путч 1991 года, прежде всего, запомнился тем, как он ударил по нам. Тем более что удар был и коварным. Накануне поздно ночью я вернулся из командировки в Южную Корею, потому решил припоздниться на работу. Но поспать не удалось, вскоре позвонила жена: «Переворот!!!». Торопясь в агентство, представлял, как застану в своем кабинете человека в форме, раздающего указания. Переворот все-таки. Однако в БЕЛТА все было как обычно. Задал первому заместителю вопрос: какую установку он дал журналистам на планерке. Анатолий Семенович сказал, что только одну: продолжаем работать в рамках закона о печати, который не отменен. Вне сомнения, это было верное решение.

Руководящие структуры республики – ЦК, парламент, правительство – излучали тогда сплошное молчание. Лишь к концу дня раздался звонок от одного из заместителей премьер-министра с вопросом,

не передавала ли Москва каких-либо указаний по каналам агентства. Нет, не передавала. Пригласил меня приехать. В его кабинете было с полдюжины представителей разных учреждений. «Обмен мнениями» состоял в основном из пожимания плечами.

В то же время активно действовали представители структур, оппозиционных и ЦК, и правительству, и руководству парламента. Звучали громкие заявления, проводились встречи, собрания, митинги. Информация об этом появлялась и на нашей ленте, иначе на тему, касающуюся путча, и сообщать было бы нечего. Между тем из Москвы вести с каждым часом становились все горячее. После одной из них я набрал номер В.Ф. Кебича, который уже возглавлял правительство. Тот, похоже, тоже находился в изрядном информационном вакууме, потому попросил регулярно извещать его о новостях из союзной столицы. На третий день путча ближе к обеду зачитал ему весть, гласившую, что глава КГБ Владимир Крючков и министр внутренних дел СССР Борис Пуго отбыли в неизвестном направлении.

– Выходит, путча капец?! – воскликнул Вячеслав Францевич.

Впрочем, он употребил другое, более емкое слово, не подлежащее цитированию.

Вскоре состоялась сессия Верховного Совета БССР, на которой рассматривались итоги события, теперь кратко именуемого ГКЧП. То, что было озвучено в докладе, зачитанном одним из депутатов, кажется, полковником милиции с Гомельщины, прозвучало для сотрудников агентства как гром среди ясного неба. Оказывается, БЕЛТА и его руководитель и подчиненные были на стороне путчистов, ограничивали поступление информации в редакции газет, радио и телевидения, и прочая, прочая... В перерыве я подошел к главе Верховного Совета С.С. Шушкевичу:

– Что означает это вранье? Почему никто даже не поинтересовался тем, что на самом деле публиковалось на информационной ленте агентства?

Тот отмахнулся. Мол, не обращайтесь внимания. Ответа на письменный запрос от него мы тоже не получили.

А депутатские выходы продолжались. Один из парламентариев, кстати, тоже журналист по профессии, внезапно явился в наш отдел выпуска, устроил там допрос с пристрастием и перетряску бумаг. Притом делал это в присутствии корреспондента радио «Свобода», которого взял с собой в качестве сопровождающего. После того как их обоих позвали ко мне в кабинет, я задал вопрос не депутату, а представителю «Свободы»:

– Что стало бы с депутатом германского бундестага, если бы он позволил себе нечто подобное в редакции немецкого агентства или газеты, журнала?

Корреспондент промолчал, зато...

– Имею право, – ответил депутат, но с явным оттенком смущения.

– Право на обыск? – уточнил я свой вопрос.

Больше он в агентстве не появлялся.

Случались «наезды» даже со стороны тех, кто, по идее, должен был защищать журналистов. Руководитель парламентской комиссии по вопросам гласности после публикации неприятного для правительства сообщения, хотя оно было подготовлено на основе официального документа, принятого столичным горисполкомом, в интервью московскому телеканалу обвинил нас в недостаточном профессионализме, хотя сам являлся агрономом. Пришлось ответить. Тоже гласно. Кратким, но резким комментарием, разосланным во все редакции. И почти все газеты его опубликовали. Надо полагать, их тоже достали. Через несколько дней в коридоре Верховного Совета мы нос к носу столкнулись с обвинителем. Он пригласил меня к себе в кабинет, а там показал вырезанный и помещенный под стекло на столе комментарий из газеты. И сказал:

– Я этого никогда не прощу.

В ответ пообещал ему руководство ваться чувством взаимности. Но больше поводов для такого рода «обмена мнениями» не последовало. Фамилий не называю, поскольку «иных уж нет, а

▲ Генеральный директор БЕЛТА Я. Алексейчик и специальный корреспондент газеты «7 дней» Наталья Бахир во время спуска в солигорскую шахту. 1993 год

те далече». Насколько известно, тот депутат, который был еще и сыном большого партийного секретаря, теперь является гражданином США.

Конечно же, навсегда в памяти останутся Вискули, где принималось решение, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование...», о чем именно мне довелось сообщать всему миру. Теперь это реперная точка на геополитическом поле, от которой одни отталкиваются и твердят о своих заслугах в «развале советской империи», другие о нее спотыкаются. На фоне нынешних дискуссий о том, какую роль в этом сыграли белорусские экс-политики, раз все произошло на нашей территории, в памяти всплывает несколько картинок.

Первая относится к концу ноября 1991 года. Тогда мне пришлось побывать на приеме у В.Ф. Кебича, поскольку нужно было поговорить о долгах государственных средств массовой информации перед БЕЛТА. Вячеслав Францевич принял меня и главного редактора «Звезды» Владимира Наркевича, который тоже о чем-то хлопотал. Во время беседы секретарь из приемной сообщила, что звонит украинский премьер-министр Витольд Фокин. Закончив разговор, Кебич сказал нам, что на время предстоящего визита в Минск российского президента Бориса Ельцина он решил пригласить и главу

Украины Леонида Кравчука. В Советском Союзе к тому времени, с горечью констатировал Вячеслав Францевич, выполнялись только те указы президента СССР Михаила Горбачева, которые касались награждений да присвоения почетных званий. А надо оживлять экономику, что невозможно без восстановления связей между республиками. Нужно воспользоваться случаем и примирить Ельцина с Кравчуком.

– Если это удастся, буду считать это своей большой заслугой, – говорил премьер-министр, хлопая ладонью по столешнице. – А Кравчук приедет! И Фокин тоже!

О том, что грядут какие-то резкие повороты в судьбе Союза и республик, из уст премьера не прозвучало ни слова. Спустя много лет в одной из передач по белорусскому телевидению В.Ф. Кебич подтвердил, что «листки с уже готовыми тезисами», касающимися предстоящих изменений в большом государстве, были только у ельцинских министров Бурбулиса и Козырева, сопровождавших российского президента, что ничего такого резкого не предполагали даже Кравчук с Фокиным. Да и хозяева политического пикника, собираясь в пущу, не позаботились даже о машинистке, что тоже говорит в пользу «белорусского незнания» о предстоящем развале СССР – не ожидалось принятия каких-то важных документов.

О чем говорили за закрытыми дверями, нам не было известно, но вряд ли кому-то из ожидавших окончания встречи приходило в голову, что речь идет о прекращении существования СССР. Да и охрану мероприятия с белорусской стороны обеспечивал лично председатель белорусского КГБ Эдуард Ширковский. Трудно было допустить, что генерал, отвечающий за безопасность государства, вдруг станет заботиться о комфорте тех, кто собрался его разрушить.

Ближе к обеду, которого, по крайней мере, для журналистов не было, в коридоре началось оживление. Стали носить белые столы, стыковать их в ряд, устанавливать на них флажки трех республик. Вскоре вышел В.Ф. Кебич и с напускной

строгостью потребовал от нас... закрыть глаза. Мы не поняли. Вячеслав Францевич недовольным тоном пояснил: Борис Николаевич «не совсем в форме».

Сразу же заволновались телевизионщики и фотокорреспондент союзного Агентства печати «Новости» Юрий Иванов: как же, собственно говоря, в таком случае снимать? Выход придумали быстро: если Ельцин становится у левого края столов, фото- и тележурналисты занимают позицию справа. И наоборот. Так и сделали. Вскоре после подписания мне удалось заполучить экземпляр Соглашения о создании Содружества Независимых Государств.

Время близилось к вечеру, давал о себе знать голод. Наконец в холл внесли два подноса. На одном лежали бутерброды, на другом стояли небольшие рюмки. Так как голодны были и журналисты, и все остальные, подносы быстро опустели. Где-то в это же время сообщили, что включена связь, и я побежал к телефону. Только набрал номер тассовских стенографисток и произнес начало фразы, как кто-то нажал на рычаг телефонного аппарата. Подняв голову, увидел одного из охранников Кебича и раздраженно уточнил, что сие означает. Тот сказал, что глава правительства просит подойти.

Вячеслав Францевич спросил:

– Сколько успел передать?

– Еще ничего.

– Вот и хорошо. Должен прилететь президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, который сейчас в Москве. Возможно, все придется начать сначала.

– Скоро он будет? – спросил я.

– Через час-полтора.

Было около семи вечера. Полтора часа до приземления самолета с Назарбаевым на военном аэродроме в Засимовичах в Пружанском районе. Плюс дорога в Вискули – более полусотни километров. Затем новые переговоры. Похоже, подумалось, сегодня вряд ли удастся что-то сообщить в Москву. Однако через какое-то время прозвучало, что Назарбаев не прилетит, его задержал Горбачев. Снова бегу к телефону. Но поскольку по воскресеньям стенографистки в ТАСС работали

только до 20.00, по набранному номеру никто не ответил. Пришлось завопить, что нужен факс. Меня повели в какую-то комнату. Четыре мои странички быстро проскочили через нутро аппарата, но уточнить у Москвы, качественно ли прошел текст, мне уже не дали. Бегом в машину, колонна рванула к аэродрому.

Через две недели главы союзных республик встретились в Алма-Ате. Там и была поставлена последняя точка в истории СССР. Пресс-секретарь Нурсултана Назарбаева так и сказал: «Советского Союза больше нет». На вопрос, знает ли об этом Горбачев, бесцеремонно ответил:

– Вы и сообщите, если хотите.

На обратном из казахстанской столицы пути мы задавали вопросы членам белорусской делегации. Подошли и к Зенону Позняку – руководителю Белорусского народного фронта. Он заявил, что «забіты апошні цвік у труну імперыі», что договоренности о дальнейшем взаимодействии и братском сотрудничестве республик гроша ломаного не стоят, поскольку, когда дойдет дело до дележа полномочий, собственности, денег, все рассорятся, каждый начнет тянуть одеяло на себя. В этом он, похоже, не ошибся.

Новая жизнь наступила и для нашего агентства. Пошли договоры о сотрудничестве с коллегами из недавних союзных республик, с которыми ранее взаимодействовали в рамках ТАСС. Начался обмен информацией в обход Москвы. Первым нашим партнером из дальнего зарубежья стало китайское агентство СИНЬХУА, договор с которым я имел честь подписать в Пекине.

В бывших республиках СССР агентства стали менять названия. Например, киевское РАТАУ – Радио-Телеграфное агентство Украины – стало Украинформом. Не устояли перед той волной и мы. Тогда многим казалось, что впредь все должно быть не так, как было «до того». Во время очередного реформирования Совета Министров нас подчинили вновь созданному Министерству информации, ставшему вскоре Министерством культуры и печати. Один из заместителей министра известный белорусский поэт

Геннадий Буравкин, отличавшийся не только поэтическим даром, но и прекрасным чувством юмора, иногда называл его министерством культуры и печали. Тогда и БЕЛТА стало Белорусским информационным агентством – Белинформом. К сожалению, по нашей инициативе. Но, оказалось, смена имени временами ведет к потерям. И имиджевым, и даже финансовым. Как сразу зафиксировали наши корреспонденты, в ответ на представление, что он из Белинформа, стал звучать вопрос, что это за организация. Приходилось уточнять, что это бывшее Белорусское телеграфное агентство. Труднее стало искать новых заказчиков, так как многие потребители не торопились иметь дело с партнером, название которого ничего им не говорило. Спустя некоторое время пришлось писать специальное письмо Президенту Республики Беларусь с просьбой вернуть агентству его историческое имя. Соответствующий указ появился буквально через две недели.

Жизнь показывает, что отрицательный опыт – тоже опыт, часто ведущий к полезным выводам. Правда, последнее не означает, что для принятия правильного решения нужно сначала расшибить обо что-либо свой нос. В условиях возрастающей конкуренции мы упорно шли к главному для информационного агентства правилу. А оно гласит – нужно давать читателю ответы на три вопроса: что произошло, когда произошло, где произошло. И делать это как можно быстрее, стараясь опередить конкурентов. Навсегда врезалось в память, с какой гордостью бывший генеральный директор ТАСС Виталий Игнатенко рассказывал, что о начале военной операции американцев против Ирака вверенное ему агентство сообщило на четыре минуты раньше других. И целых четыре минуты телерадиокомпания мира говорили об этом со ссылкой на ТАСС. Никто не должен сомневаться, что БЕЛТА тоже держится именно такого принципа.

Яков АЛЕКСЕЙЧИК,
генеральный директор БЕЛТА
в 1988–2002 годах ▮